

Фёдор Летуновский

Барабанщик

16+

Фёдор Вадимович Летуновский

Барабанщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995177

SelfPub; 2021

Аннотация

В 1940 году у школьника арестовывают отца, и он остаётся в одной квартире с подозрительными родственниками второй жены своего папы – это сюжет повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика». По её мотивам создан фантастический рассказ, где опасные «блики» завоёвывают маленький город и только отрядный барабанщик способен справиться с ними.

Фёдор Летуновский

Барabanщик

Мимо этого памятника Пашка проходил дважды в день, по дороге в школу и домой. Это был каменный матрос на наклонном постаменте. Он шёл вверх, пригнувшись под напором ветра и вражеских пуль, то ли штурмуя высоту, то ли сохраняя равновесие на палубе попавшего в шторм корабля. Скульптор запечатлел его в тот момент, когда он собирал все свои силы, чтобы выпрямиться и встать во весь рост. Официально он назывался памятник Неизвестному Матросу, а местная шпана прозвала его «домой после полочки».

Но, не смотря на то, что сегодня была пятница, домой Пашке идти совсем не хотелось, ведь там его ждали совершенно чужие ему люди. Его мамы давно уже не было, она утонула в Волге, когда он был совсем маленьким, а четыре года назад они переехали сюда, в Молчанск, небольшой городок в пятидесяти километрах от Москвы, где его отцу предложили должность директора текстильного магазина при местном заводе.

Сначала всё было хорошо. Пашкин отец женился на красивой девушке Тамаре, жили они скромно и в чистоте, а потом им дали по распределению двухкомнатную квартиру в добротном двухэтажном каменном доме, построенном ещё при местном помещике Большелопове, для его гостей и за-

езжих актёрских трупп.

Тогда Пашка уже стал взрослее и почувствовал перемены в поведении Тамары. Проще говоря, аппетиты её возросли. Возвращаясь вечером из кино, она о чём-то тихо говорила с отцом, после чего тот задумчиво курил на кухне, становясь всё более молчаливым. И как-то постепенно обстановка в доме переменялась – появились новые вещи, Тамара стала щеголять в обновках, летом они ездили отдыхать в Крым, а на последний день рождения отец подарил Пашке фотоаппарат ФЭД, ставший предметом зависти всех его одноклассников.

Пашка немного стеснялся этого и, чтобы его не считали директорским сынком, вёл активную жизнь в школе, участвовал в спартакиадах, оставался после занятий с неуспевающими одноклассниками и учился играть на барабане.

В тот день, когда его назначили барабанщиком отряда, Пашка возвращался из школы в приподнятом настроении. Ему не терпелось поделиться с отцом этой новостью, но как только он зашёл во двор, играющие там дети бросились к нему и наперебой принялись говорить о том, что у них дома был обыск, а отца забрала милиция и увезла в тюрьму.

Был скорый суд, где он не отрицал, что виноват в растрате большой суммы денег – отсюда и появилось всё их благополучие. Сначала отец часто писал, а потом его перевели в лагерь далеко на Север, откуда он отправил только одно письмо и надолго замолк. Тамара не слишком переживала и в сентябре уехала на два месяца в санаторий на Кавказ, «ле-

чить нервы» – как она сама говорила.

Тогда Пашка понял, что всё – детство кончилось, помогать ему никто больше не будет и теперь он всё должен делать сам. В школе он сухо объявил одноклассникам, что его отец оказался вором, а учителя сами и так всё знали. Пашка ещё больше сосредоточился на учёбе и строевой подготовке, а субботними вечерами, когда Тамара с кем-то уходила в кино, утыкался в подушку и плакал. Потом он умывал лицо, надевал на шею ремень барабана и принимался играть.

И этот простенький пионерский барабан, неотличимый от сотни остальных, стал для него новым жизненным инструментом. Ритуальным предметом, пробуждающим его волю и задающий ритм каждого нового дня. Его старая жизнь рухнула, ему хватало сил, чтобы это принять, но потом он с удивлением начал замечать, что и в самом мире вокруг стало что-то не так.

Появились Блики.

И началось это с прибытием брата Тамары – дяди Бори, который приехал, якобы, чтобы за ним присматривать в отсутствие взрослых. Явился дядя Боря не один, с ним был ещё и его невнятный кореш Федька – маленький лысый типчик с нервной усмешкой. Они поселились в комнате отца и Тамары, нигде не работали, однако деньги у них водились. Дядя Боря уверял, что ожидает устройства на городскую почту, когда местная кассирша уйдёт в декретный отпуск, а пока они живут на Федькину пенсию по умственной инвалидно-

сти.

Но это было не главное.

Как только Пашка увидел их в первый раз, то сначала подумал, что у него что-то случилось с глазами – так бывает, когда смотришь на солнце или яркую лампу, а потом отводишь взгляд в сторону и видишь блики. Так вот, этот дядя Боря и его кореш – они *бликовали*. И можно было сколько угодно моргать или переводить зрение на другие предметы, но пятно тёмного света исходило только от них.

Пашка даже подумал, что начал сходить с ума, но скоро убедился – это не так. Вскоре в городе начали появляться и другие Блики, а эти два человека стали лишь первыми переносчиками той странной и непостижимой заразы. Ей подвергались не только люди, но и неживые объекты. Так, например, стала бликовать часть опустевшего дома, где был арестован главный инженер текстильного завода, после чего вся семья его тоже куда-то исчезла.

Впрочем, аресты уже два года были привычны. Врагов и шпионов развелось вокруг слишком много, они были повсюду. В школе постоянно обсуждали, как же так получилось, что такой приличный человек, как заводской экспедитор оказался вредителем и подсыпал в муку для рабочих металлическую стружку, а директор городского кинотеатра вырезал из плёнки идущего перед фильмом новостного киножурнала каждый тринадцатый кадр и заменял его на другой, лживый и мерзопакостный.

Целыми классами они писали осуждающие письма, в школьной столовой висел плакат «Не болтай!», но теперь Пашка понимал, что главные шпионы – это дядя Боря и его сублильный товарищ. Наблюдая за ними, он сообразил, что эти Блики являются какими-то паразитами, но не заражают собой, как вирусы, то, к чему прикасаются, а действуют выборочно, по им одним известным причинам. А каким именно – ему и предстоит выяснить.

Хотя его папа сидел в тюрьме, в школе Пашку не сторонились, ведь его отец оказался не врагом народа, а обыкновенным вором, и ему даже позволили участвовать в конкурсе отрядов на звание старшего школьного барабанщика, который будет возглавлять строй на праздничной линейке 7 ноября 1940 года. Поэтому Пашка посвящал всё свободное время репетициям, и времени у него оставалось мало – смотр был назначен на понедельник, четвёртого числа.

Так и сегодня, придя домой и поужинав картошкой с котлетой, он надел барабан, взял в руки палочки, закрыл глаза и сосредоточился на его ребристом, округлом корпусе, вообразив его продолжением собственной грудной клетки и представив рождение звука. И резко, как бегун на старте, застучал по упругой поверхности, сначала в полном хаосе, как бьёт в оконное стекло ноябрьский град, а потом выделил из его шума ведущий рисунок, нужный поток, симметричную красную молнию.

И как только он понял, что ему удалось нащупать некую гармонию, что была для него прежде скрыта, поймать её за самый кончик, потянуть на себя и прочувствовать... именно тогда в комнату постучали.

Пашка сбился с ритма, бросил палочки на кровать и открыл дверь.

На пороге стоял дядя Боря. Он был одет в старые штаны и забрызганную ужином белую майку, а на его голой груди, тускло переливаясь тёмно-изумрудным, мерцал Блик. В руках дядя Боря держал кухонное полотенце, которым вытирал нож. Пашке это очень не понравилось.

– Павел, мы ведь с тобой договаривались, что вечером ты не играешь, – начал он.

Говорил дядя Боря очень медленно и спокойно, но при этом казался ему опасным, похожим на питона из Московского зоопарка, куда их возили весной на каникулы. Там эта большая змея тоже выглядела сонной и вялой, но когда зритель бросил ей мышку, он схватил её настолько молниеносным движением, что мальчики заморгали, а девочки взвизгнули.

– Так ещё восьми даже нет, – Пашка посмотрел за окно, в густую кляксу ноябрьского вечера.

– Но Фёдор из-за этого опять себя плохо чувствует, у него головные боли! Его ведь пытали фашисты в Испании, когда он там воевал! Знаешь, что они с ним вытворяли? Закопали по шею в землю, надели на голову ведро и играли на нём,

как на барабане!

Пашка внимательно смотрел в гипнотические глаза этому взрослому, наблюдал, как двигались его жвалы, змеиная шея и понимал, что он врёт. Просто он – хищник, а этот Федька ему прислуживает, как Шакал у Тигра в сказке про Маугли. И не был психбольной Федька ни в какой Испании, не берут на войну таких недоносков.

– Хорошо. Сегодня я уже не буду играть, – сказал Пашка, понимая, что не пришло ещё время вступать с ними в открытый конфликт.

– Да и выходные его тоже нельзя беспокоить.

– Какие выходные? – возмутился Пашка, – Вы же ни где не работаете?!

– Мы, Паш, на самом деле заняты очень важным делом, – дядя Боря попытался заговорить как можно более ласковым, но от того ставшим неестественным голосом, – Но ты ещё слишком мал, чтобы об этом знать.

После этого он приложил палец к губам, как женщина на известном плакате и ушёл, прикрыв за собой дверь. А Пашка так и остался стоять перед ней, безуспешно пытаясь вспомнить тот ритмический рисунок, что ускользнул от него, словно первый потревоженный сон.

Из кухни донёсся нервный смех Федьки, от которого ему стало противно. «Они мне всё врут! – думал он, – Да и кто они, чёрт возьми, такие! И могут ли они догадаться, что я про них знаю? В любом случае, надо соблюдать осторож-

ность...» Пашка снял с шеи ремень, положил барабан на стол, и решил что завтра, прямо с утра, пойдёт репетировать в парк.

В субботнем парке был один риск – нарваться на хулиганов. Они могли побить и, даже – самое страшное – порезать барабан, потому что считали себя блатными и законы школы их не пугали. Поэтому Пашка решил пройти не к центральному входу в парк, который до революции был помещичьей усадьбой, а окружным путём, через пустыри.

Он миновал площадь с Неизвестным Матросом и когда памятник остался позади, свернул с главной улицы, обратил внимание на новые Блики. Первый из них мерцал тьмой на спине рыжего кота, который протиснулся под забор, когда Пашка проходил мимо. Ещё один сизый Блик плавал по крыше единственной, стоящей на улице машины директора текстильного завода, из-за чего она из белой становилась тревожно-мутной, как штормящее море. В окнах домов иногда показывались утренние люди, и на одном из лиц Пашка тоже разглядел неестественно сверкающую синеву.

Когда улица кончилась, он миновал пустыри и вышел к дальней, неогороженной части парка, за которой возвышался холм, с до сих пор не засыпанным котлованом. Это была неофициальная могила помещика Большелапова, не имевшая ни креста, ни даже памятного камня.

Дальше, на поляне, располагалось пожарище – от усадь-

бы помещика сохранилась лишь фасадная каменная стена жилого особняка и приготовленные для строительства нового дома материалы, ставшие холмами почерневшего мусора. Разбогатец во время войны на пошиве солдатской формы, летом семнадцатого года хозяин затеял перестройку и даже пригласил архитектора из столицы, но ничего построить они так и не успели.

Вместо предполагаемого нового дома на холме теперь зияла лишь глубокая яма с остатками фундамента – помещик планировал заложить просторный подвал, чтобы там заниматься своими оккультными опытами – кажется, так называл их молодой учитель истории, совсем немного проработавший у Пашки в школе и в скором времени куда-то исчезнувший.

Ещё он рассказывал о том, что Большелапов в последние годы увлекся тёмными учениями, и крестьяне серьёзно опасались, как бы он чего на них не накликал. Говорили даже, что после победы Октябрьской революции помещик сильно испугался, что у него всё отберут, и попытался провести обряд – вызвать нечто потустороннее, способное свергнуть мир в ещё больший хаос. Слуги его к тому времени уже разбежались, но кто-то из них успел предупредить деревенских о том, что помещик велел снести в яму какие-то предметы и готовится к сатанинскому ритуалу. Ночью крестьяне зажгли факелы, взяли вилы, поднялись на холм и увидели там нечто такое, после чего сбросили Большелапова в яму и живьём

закопали, а дом его разграбили и спалили.

Сейчас сюда никто не приходил, даже пьяницы и хулиганы, но Пашка не испытывал никакого страха на этом пепелище – лучшего места для уединения было не найти. Пашка прошёл мимо парадной стены особняка с остатками крыльца и нашёл удобное место. Надел барабан и взял в руки палочки, немного покрутив их на пальцах, чтобы размять замершие кисти.

Здесь, среди сосен, было совсем холодно, сквозь их вершины просвечивала плотная ткань облачного неба без надежды на прорыв и появления солнца. Пашка подумал, а может ли само небо начать бликовать, и пришёл к мысли, что это уже, наверное, будет последняя стадия вторжения в его мир этих непостижимых сил и тогда начнётся то, что верующие в Бога старушки называют Концом Света.

Он начал разминку с простых отрядных маршей, а когда отогрел пальцы, то заиграл более сложные вариации на их тему. Он импровизировал, из его рта пошёл пар, тут же исчезая, словно испугавшись гула туго натянутого барабанного диска.

Теперь, разогнавшись, Пашка пытался настигнуть своё вчерашнее вдохновение, и в этом ему помогала превосходная акустика опустевшего леса. Правда он чуть не сбился, когда увидел, как тёмно-бордовый, цвета засохшей крови Блик, пульсируя, поднимается вверх по сосне.

Но Пашка уже чувствовал связь со своим барабаном, в

приступе отваги он подошёл к дереву ближе и задал ещё более быстрый, пулемётный ритм, глядя, как потревоженное его игрой, состоящее из тёмного света существо, проворно забирается вверх по стволу.

– Ага, не нравится! – разошёлся Пашка и, чеканя шаг, двинулся вперёд, представляя себя предводителем строя солдат, идущих на прорыв вражеских укреплений.

В лесу приходилось постоянно замечать и переступать корни, при этом оставаться сосредоточенным на игре, но так даже лучше для тренировки – легче потом будет маршировать на плацу. Пашка вышел из сосняка и принялся взбираться на холм, где мечтал возвести усадьбу чудак-помещик, но чем ближе он поднимался к его вершине, тем явственнее осознавал: «А может, крестьянам тогда и было, чего опасаться?»

Потому что новый, грязно-оранжевый Блик стекал прямо с холма – Пашка видел, как он вильнул в сторону, потревоженный барабанной дробью. И когда мальчик достиг вершины, сомнений у него больше не оставалось.

Неизвестно, на каком именно этапе своих действий встретил смерть безумный помещик, но Блики выходили теперь именно из этого котлована, из похожей на воронку ямы, ставшей могилой для Большешлапова. Были ли они как-то связаны с ним или просто сами по себе нашли через двадцать три года потревоженную ткань мироздания, Пашка не знал. Но он смотрел с холма на невзрачный городок и чувствовал, что за-

стывший в ноябрьском холоде Молчанск полон тихого страха, а это любимое лакомство Бликов, которых, кроме него, здесь никто почему-то не видит.

И возвращаясь домой, он заметил ещё одну странную вещь – блики боялись Памятника. Это было единственным местом, к которому они не приближались. Пашка специально это проверил, покругив по окрестностям и вернувшись обратно к пьедесталу. Что было особенного в этом Матросе, а точнее в его каменном воплощении? И если Пашка и мог видеть Блики, то здесь он не чувствовал ничего необычного.

Людей на улице становилось всё больше. Они неспешно прогуливались по своим субботним делам, но радости их лица не выражали. Пашка поздоровался со стариком школьным сторожем и хотел, было, пройти дальше, но тот неожиданно остановил его.

– Что-то не так? – спросил он.

– С чего вы взяли? – удивился Пашка.

– Ты был на кургане, – ответил Сторож, – И нашёл место, откуда идёт вторжение.

Не смотря на ноябрьский холод, кровь прилила к лицу Пашки. Он понял, что сейчас покраснел и, тем самым, выдал себя с потрохами. Отпираться было бессмысленно, но его немного успокаивало то, что старик не носил в себе Блика.

– Я тоже их вижу, – продолжал Сторож, – Но, в отличие от тебя, не могу ничего сделать. А эта твоя штука, – он указал

на барабан, – Немного их беспокоит...

– Вы знаете, кто они?

– Нет. Но я знаю кое-что другое. И пора тебе это рассказать. Пошли.

Не задавая лишних вопросов, Пашка проследовал за Сторожем во двор обветшавшего двухэтажного дома, где, судя по всему, он и жил. Они присели на единственную лавку, что располагалось точно на середине квадрата натянутых бельевых верёвок, где сейчас висели мокрые простыни. Благодаря этому их мало кто мог заметить, а тем более, услышать их разговор.

– Ты только присядь, – сказал Сторож после того, как Пашка замер перед ним, словно по стойке смирно, – То, что я знаю, может сильно тебя озадачить.

Пашка примостился рядом со стариком и аккуратно положил на лавку барабан. Окруженные сохнувшим бельём, они словно находились одни в белой комнате.

– Я знал твою маму. И я здесь, чтобы присматривать за тобой.

Пашка был готов ко многому, но совсем не к тому, что услышал. При слове «мама» он вдохнул ноябрьский воздух, да так и не смог его выдохнуть. Он вспомнил свет. Свет и тепло были везде. Там, где они тогда жили. Он держал маму за руку, и они стояли на берегу такой широкой реки, что другой берег был едва виден. Маленький Пашка поднимал голову вверх, чтобы посмотреть на её лицо и улыбку, но ви-

дел лишь яркое солнце и жмурил глаза. Так он и не запомнил её, а теперь видел только на фотографиях.

Пашка выдохнул и воздух, пройдя через его тело, стал так горяч, что стал облаком пара; оно медленно поднялось вверх и исчезло.

– Твоя мама была ведуньей, очень сильной. И она не утонула, она ушла, но очень далеко.

Пашка молчал.

– Ваш род идёт по женской линии и все девочки в нём были ведуньями, а мальчики становились великими воинами. И тебе тоже это предстоит. Те узоры Большого Ковра, что я различаю, говорят о том, что впереди у нас Большая Война.

– С финнами?

– Нет. Сначала с немцами, а потом, когда она закончится, начнётся другая, мирная война. Она будет идти восемьдесят лет. И если ты не дашь себя убить, то будешь жить так долго, что сам это увидишь... Я ведь тоже гораздо старше, чем тебе кажется.

– А кто вы такой? – Пашка посмотрел на худое лицо Сто-рожа и только сейчас заметил, что от его глаз расходятся лучики морщинок, как у человека, который много улыбался.

И находясь рядом со стариком, он ощущал только спокойствие, почти такое же, как и на берегу огромной реки.

– Я друг твоей мамы. И она просила, чтобы я не упускал тебя из виду, но я не воин и не шаман, я просто вижу некоторые части Большого Ковра и умею читать по нему.

– Так вы видите будущее? – спросил Пашка, но в его голосе совсем не было удивления, он лишь хотел уточнить, правильно ли он понимает этого необычного старика, который в повседневной жизни держался настолько незаметно, что им никогда никто не интересовался.

– Не уверен. Нити плетутся здесь и сейчас, они идут от каждого человека и все вместе складываются в Узор, который и становится настоящим.

– А моя нить? Как она?

– Ты сам знаешь, что для тебя сейчас главное – стать первым, победить в конкурсе. Тогда ты заслужишь право играть на большом школьном барабане и думаю, что звук у него будет гораздо лучше, чем у твоей погремушки... Так что не теряй времени. А я буду рядом.

Они немного помолчали, окружённые неподвижными холодными тканями, словно в белой и тихой комнате и ещё одна главная небесная простыня была натянута сверху, закрывая от людей солнце.

– Я пойду? – спросил Пашка.

Сторож кивнул

– До свидания. И спасибо вам.

– Не за что, я ничего для тебя не сделал.

– Но я теперь я знаю, что мама не умерла... А она меня видит?

– Она знает о тебе, ведь ты – её сын.

– И я её не подведу!

Пашка вскочил с лавки, взял барабан, и, пройдя через занавес из ледяных простыней, очутился в мире, где ему совсем скоро предстояло дать первый бой.

Все выходные Пашка репетировал на самых безлюдных окраинах городка. Вечером в воскресенье он увидел, как Блики заняли все четыре фонаря на одной из небольших улиц и электрический свет, проходя сквозь них, становился горьким и липким, как осенняя паутина. Пашка задумался о том, какие же сны увидят сегодня ночью обитатели этих домов и чаще ли они стали думать теперь о смерти. Дядя Боря, казалось, был рад, что мальчик перестал греметь дома, но каждый раз при встрече пробегал по нему внимательным взглядом, словно пытался вычислить, какие перемены в нём происходят. А может, и замышлял чего, но из-за его змеиных повадок понять это было невозможно. Его кореш-инвалид Федька вёл себя тихо, только нервно хихикал, подолгу запершись в туалете. Но чем они оба занимались, Пашку сейчас не интересовало. Он сосредоточился только на собственном деле и, проснувшись утром в понедельник, понял, что готов к отрядному конкурсу.

...Смотр горнистов и барабанщиков начинался в актовом зале после четвёртого урока. Школа была недавно отстроена, и просторный зал со сценой вмещал в себя все отряды. Здесь были и заводские дети и крестьянские, а так же немногочисленные представители местной интеллигенции. Одна-

ко таких детей стало уже значительно меньше – каждый месяц кого-то из их родителей арестовывали, и вся семья исчезала; о них больше не вспоминали. Но вот школьников, носивших на своём теле Блики, явно прибавилось, а из первого ряда, словно дьявольский маяк, влекущий суда на гибель, сиял тёмным фиолетом Блик долговязого Директора школы, что покоился на его бритой наголо голове, возвышаясь над остальным залом.

Сначала между собой соревновались отрядные горнисты. Один из них был особенно хорош – статный светловолосый юноша из выпускного класса, ловивший на себе взгляды старшеклассниц – они буквально затрепетали, когда он извлёк из своего инструмента первую пронзительную мелодию. Он и получил право выступать вслед за флаговым, несущим на парадах школьное знамя – особой интриги здесь не было. А вот в своём конкурсе Пашка выделил двух особенно сильных соперников.

Первый был виртуозом – мальчиком в очках из музыкальной семьи оркестрантов, что играют здесь на праздниках и похоронах. Но для барабана он был слишком изящен, ему больше подходили скрипка и пианино. Второй, наголо стриженный младшеклассник, явно из заводских, обладал прекрасной ритмической памятью, а так же силой удара, но был начисто лишён импровизации. Глядя на их выступления, Пашка подмечал все их достоинства, чтобы самому сделать если не на их уровне, так по-другому, да и все недостатки,

чтобы постараться их избежать.

А когда он сам вышел на сцену, то, кроме волнения, испытал ещё одно, новое и чудесное чувство. Теперь он знал, что Мама знает, где он сейчас. И она верит и желает, чтобы он победил.

Игра его была хороша. Казалось, что он вложил в неё все эмоции от событий последних месяцев. Они шли от тревоги и отчаянья к преодолению и, вслед за ним – к торжеству. Когда он завершил серию последних ударов и замер по стойке «смирно», с поднятыми вверх палочками, то услышал оглушительную тишину. Никто в зале не шевелился, только блики тревожно мигали. Пашка даже успел заметить, как несколько из них стекли на пол, а их бывшие носители странно моргают. «У меня получается!» – подумал Пашка и взглянул на Директора, но тот сидел на своём месте с закрытыми глазами, видимо, борясь с приступом мигрени, а его Блик менял форму и двигался, но не спадал с его головы.

Потом грянули аплодисменты. Пашку поздравляли, дети и учителя пожимали ему руку, а дальше произошло самое важное, во что он ещё окончательно не мог поверить. Старший вожатый Игорь вместе с председателем совета отрядов – статной старшекласницей Верой и ещё десятком лучших пионеров и комсомольцев провели его в пионерскую комнату, где Игорь открыл застеклённый шкаф и достал оттуда святыню – Большой красный Барабан Гражданской войны.

– Самый достойный всегда несёт его впереди всех отря-

дов, – торжественно произнёс он, – Возьми и привыкай к нему.

Пашка отдал пионерский салют и бережно принял Барабан из рук Игоря, сразу ощутив его размеры и тяжесть. Корпус несколько раз подвергался ремонту и был заново покрашен, а вот старая, крепко натянутая кожа сохранилась без повреждений, за два суровых года в неё не попала ни одна пуля. Время, солнце и непогода отполировали её до какого-то почти зеркального состояния, поэтому, надев барабан на шею, Пашке даже удалось разглядеть в ней своё отражение. Он выровнял дыхание, взял в руки грубые потемневшие палочки и опустил их, пробуя звук.

Большой Барабан гулко отозвался, пробуждаясь от полугодового сна – на нём ведь не играли с самого первого мая. Пашка сразу почувствовал, насколько широкими акустическими возможностями он обладает, и попытался сразу разложить весь его звукоряд, как октавы у пианино.

Ещё он представлял его живым существом, большим и сильным, но лишённым привычных очертаний. Чтобы познакомиться, он сначала погладил его, а потом рванул с места и побежал с ним наперегонки, вступив в захватывающую для них обоих игру – бег с препятствиями.

Неизвестно, сколько прошло времени, все стояли молча, им никто не мешал, и тогда Большой Барабан впервые за многие годы вошёл в резонанс с миром. Пашка тогда ещё ничего не знал про шаманов и их бубен, открывающий Верх-

ний и Нижний мир, но он почувствовал нарастающую мощь потока, который сформировался внутри их с Барабаном общего тела и был к этому готов.

Вибрация нарастала и молодые люди в комнате тоже ощущали нечто необычное, но никто из них даже не пытался остановить Пашку, пока в пионерскую не влетел Директор школы, на лысой голове которого пульсировал тёмным фиолетом потревоженный Блик.

– Отставить игру! – бросил он Пашке с порога, и сразу обратился к Вере и Игорю, – Вы что себе позволяете? У старших классов уроки ещё не кончились!

Директор грубо снял с плеча Пашки ремень и подхватил Барабан, продолжая отчитывать комсомольцев.

– И кто вам разрешил его трогать? Уберите полковой барабан на место, это слишком ценный подарок для нашей школы, чтобы так просто доставать его и стучать!

– Мы решили, что новому барабанщику надо дать возможность опробовать его и привыкнуть, – ответил Игорь.

– Но только не вовремя занятий! – Директор поставил Барабан на место и закрыл дверцу шкафа. Его Блик перестал пульсировать, но сам он так и не успокоился.

– И знаете что, дайте мне ключи, пусть будут у меня, чтобы до седьмого числа никто его не трогал, – он протянул к старшему вожатому руку и тот послушно вложил её ключ.

Директор запер шкаф и убрал ключ в нагрудный карман.

– А ты мальчик, свободен! – обратился он к Пашке, а сам

принялся шептаться с вожатым и председателем совета отрядов.

И когда Пашка уходил, то явно разобрал в его потоке речи такие словосочетания как «...мальчик не готов» и «всё-таки тюрьма...»

Он вышел из пионерской комнаты, чувствуя себя совершенно разбитым. Уставшим после конкурса и внутренне опустошённым. И хотя Пашка никогда не сталкивался ни с чем подобным, но понимал – ему удалось пробудить Большой Барабан, который действительно является оружием и Директор знает об этом. Поэтому он, скорее всего, найдёт повод не позволить достать его на 7 ноября, а если сочтёт Пашку совсем опасным, то и вовсе пересмотрит решение совета отрядов и заставит комсомольцев заменить его другим барабанщиком.

Всё закончилось так стремительно и совершенно без его участия, а то, что он принял за победу, было только началом борьбы. В этом он ещё раз убедился, как только вернулся домой.

Там он застал дядю Борю и его кореша Федьку за суетливыми сборами. Федька, глядя на него, лишь нервно усмехнулся, а дядя Боря сразу повёл Пашку в его комнату, где на диване лежал, пустой и раскрытый, чемодан, с которым он обычно ездил летом в пионерский лагерь. И ещё до того, как дядя Боря открыл рот, он всё понял. Свои тёмные дела эти

люди здесь завершили и теперь то ли убегают, то ли просто меняют место, а его собираются захватить с собой в качестве прикрытия.

– Паша, собирайся вещи, мы сейчас уезжаем. Сегодня утром от Тамары пришла телеграмма, что в Москве умер наш общий родственник и надо срочно ехать туда и занимать освободившуюся жилплощадь. Мы должны быть в Москве уже сегодня, чтобы завтра с утра занять очередь в домоуправление. Я договорился с водителем директора завода, он через час заедет за нами и довезёт до ближайшей станции.

Пашка молчал, совершенно не готовый к новым потрясениям, но вместе с тем зная – никуда нельзя ему сейчас уезжать, пока он всё здесь не закончит.

– В школу я потом напишу, они все документы в Москву по месту твоего нового обучения переправят, а вот времени с друзьями попрощаться у тебя, пойми меня, нет.

«Бежать!» – подумал Пашка, но в ответ только кивнул, достал из шкафа свои штаны, рубашку и положил их на дно чемодана.

– Вот и хорошо, бери всё, что нужно, – сказал дядя Боря, наблюдая за Пашкой и стараясь зафиксировать все скрытые сущности его настроения, – Ужина у нас сегодня не будет, а чая выпить перед отъездом я тебя позову.

И дядя Боря вышел из комнаты. Он закрыл за собой дверь, а через мгновение Пашка услышал щелчок – звук повернутой щеколды.

«Он меня запер!» – задохнулся Пашка и сразу бросился к окну, но вместо ноябрьской синевы и крошек далёких фонарей, разглядел лишь чёрную и тугую, неподвижную тьму. Ставни были крепко заперты и посажены на замок, превратив комнату в ловушку.

Первая его мысль была начать играть на барабанах, а когда дядя Боря опять зайдёт и попросит его прекратить, попробовать прошмыгнуть у него между ног и выбежать на улицу. Но это был слишком простой трюк для такого прожженного змея, как дядя Боря. Тем более, входную дверь он тоже, наверняка, запер.

Пашка решил для начала выяснить, о чём они разговаривают. Он приложил барабан днищем к стене, а сам прислонил ухо к его мембране, но не услышал ничего, кроме довольного уханья и хихиканья Федыки. Тогда он приставил барабан к другой стене, ближе к кухне, но оттуда не доносилось ни одного звука. Пашка удивился, постучал по стене костяшками пальцев и понял, что за ней находится пустота.

Он надорвал слои газет, которыми обклеили стену ещё предыдущие жильцы, и достаточно быстро обнаружил очертания двери. Прорезав своим перочинным ножиком газеты по её периметру, он поддел створку лезвием и она открылась.

За ней пахло летней пылью, это был потайной ход – узкий, рассчитанный на одного человека коридор и ведущие вниз ступени. Пашка прикрыл дверь, отошёл от неё и взял с верхней полки шкафа свечу и спички – там они всегда лежали

на случай отключения электричества. Оттуда он взглянул на стену и убедился, что очертания двери слишком бросаются в глаза, а дядя Боря может появиться здесь в любую минуту.

Пашка зажёл свечу, взял ещё одну про запас и покинул комнату, которая уже больше не казалась ему безопасным местом. Так же, впрочем, как и весь этот город.

Исчезнувший учитель истории мог бы рассказать Пашке, что его дом был построен для гостей помещика, а так же для размещения здесь актёров и актрис гастролирующих театров, поэтому каждая комната, кроме обычной двери, имела ещё и потайной проход во внутренний коридор между этажами, чтобы все могли посещать друг друга, оставаясь при этом незамеченными. Именно по этому пути Пашка проследовал на первый этаж и через другую потайную дверь попал в каморку дворника, заставленную мётлами, ведрами и зимними скребками для снега. Там он открыл окно и, никем не замеченный, выбрался из дома.

По пустым улицам, мимо застывшего в попытке распрямиться и встать во весь рост Памятника, Пашка побежал к школе. У её забора он осмотрелся и решил, что, не смотря на поздний час, в её стенах сейчас находятся как минимум два человека. Свет горел в кабинете Директора и в школьной сторожке. Здесь были его Враг и Соратник.

Пашка перелез через забор и постучал в окно Сторожи, который, казалось, был совсем не удивлён его появлению и сразу впустил к себе.

– Я сбежал из дома, там двое – Федька и дядя Боря, оба с бликами, хотят в Москву меня увести. Может уже и хватились...

– Правильно сделал, – ответил старик, – Я слышал, как ты будил Барабан. Тебе надо его забрать.

– Но ключ у Директора, он при мне в пиджак его положил! Сторож лишь на мгновение призадумался, а потом достал связку ключей из выдвижного ящика стола.

– Что ж, тогда пойдём к нему. Другого выхода у нас нет. Теперь из школы тебя выгонят точно, но это не самое плохое, что может с тобой случиться.

И он неожиданно застыл на месте, поводя взглядом из стороны в сторону.

– Вы смотрите узоры Большого Ковра? – спросил Пашка, – И что на них?

– Да нет, – смутился старик, – Я думаю, что мне взять такое, чтобы по башке ему захреничить.

Но никакого оружия кроме сторожевой колотушки в комнате не нашлось.

– Ладно, возьмём пожарный топор, у дворницкой он висит.

Он погасил свет и они с Пашкой вышли на улицу, обошли школу, чтобы забрать топор и проникли внутрь через главный вход. Старик отпер и закрыл за собой дверь, объяснив, что у Директора есть свой ключ от школы.

Шли они в темноте, старик держал Пашку за руку, преду-

преждая шёпотом о ступенях и поворотах. На вопрос Пашки, неужели он так хорошо видит в темноте, Сторож ответил, что нет, просто в его памяти достаточно места, и не только для этого.

У кабинета Директора они встали и прислушались. Свет бил сквозь замочную скважину, Пашка заглянул в неё, но увидел только противоположную стену с полками, где стоят классные журналы. Но изнутри доносился какой-то шум, похожий на шипение масла на сковородке.

Сторож, убедившись, что дверь заперта изнутри, достал из связки ключ и бесшумно повернул его два раза в замке.

– Иди вперёд. Он сильно удивится, когда тебя увидит, а я уж подстрахую.

Пашка вдруг некстати подумал о том, что любой школьник мечтает о такой проверке на смелость – пробраться ночью в кабинет директора школы, выкрасть оттуда журнал своего класса и уничтожить там все оценки. Это было пределом фантазий главных школьных хулиганов, но у него есть своя собственная цель и она сейчас в тысячу раз важнее...

Сторож приоткрыл дверь, Пашка просунул в неё голову и увидел, что Директор сидит за своим столом, а на лицо ему направлен яркий свет лампы и что больше никого в комнате нет.

Тогда он прошмыгнул внутрь, подошёл ближе и понял, что, не смотря на свет, Директор находится в бессознательном состоянии, глаза его плотно закрыты, как днём во время

конкурса, а рядом на столе стоит работающий радиоприёмник. Такие были здесь в каждом классе и имели только кнопку включения и ручку громкости, настроенные при сборке всего на одну программу, но приёмник Директора был наполовину разобран и ловил теперь какую-то иную волну, а точнее – шум радиоэфира, который они и слышали из-за двери. И ещё здесь были два Блика, а может и один, только он частично переполз с головы Директора на радио, но их продолжала связывать мерцающая фиолетовая нить.

– Сигнал передают, – тихо произнёс Сторож, встав сзади Пашки, – Всё очень плохо... Торопись!

Пашка никогда ничего не воровал, но его рука удивительно проворно скользнула в нагрудный карман Директора, а пальцы крепко сжали ключ и вытащили его наружу.

– Пошли, – сказал Сторож.

– Но ведь его надо остановить... – Пашка кивнул на Директора, ставшего частью неведомого передатчика.

– Это я устрою, но сначала заberi Барабан!

... В пионерской комнате они всё сделали быстро, Сторож проводил до дверей Пашку, а сам остановился в проёме.

– Беги быстрее на Курган, а я пойду радио починю, – он подкинул в руке топорик и Пашка не сразу понял, что старик пытается пошутить, – Давай, я тебя догоню.

Перелезть через забор с большим Барабаном было совсем не просто, поэтому ему пришлось сначала подвесить его на ремне, потом забраться самому, и, слезая, осторож-

но положить на землю. Оказавшись на другой стороне ограды, Пашка сразу надел Барабан и в это время в окне кабинета Директора расцвела синяя молния. Вслед за ней раздался хлопок, звон лопнувших стёкол и вниз посыпались осколки выбитого окна. Теперь вся школа была погружена во тьму, а из зияющего проёма на втором этаже не доносилось никаких звуков.

На всякий случай Пашка немного постоял у забора, прислушиваясь, а потом поспешил уйти.

Когда он миновал школу и свернул в сторону парка, то сразу заметил – в городе твориться нечто странное – слишком много людей было на улице для этого позднего часа. Все они двигались в том же направлении, что и он, и каждый из них носил на себе Блика – на голове, на груди или внизу живота. Даже дети. Пашка видел многих учеников своей школы вместе с родителями, и ему не стоило особого труда догадаться, что направляются они к холму с ямой – месту, которое старик называет Курганом.

– Неужели я опоздал? – думал Пашка, – И где же Сторож, он что, убит?

Понемногу прохожие стали обращать на него внимания. Пашке показалось, что многие из них уже утратили способность говорить, но те, кто ещё могли это делать, останавливали его и пытались не пустить дальше.

– Мальчик, ты что здесь делаешь?!

– У нас учения по гражданской обороне!

– Ты что, не слышал о них по радио?! Мы подверглись условному авианалёту!

– Немедленно в укрытие! – бормотали они и не давали ему идти дальше.

– Смотрите, тут мальчик один, без родителей!

– Пойдём, я отведу тебя в бомбоубежище!

Люди обступали его всё теснее. Какой-то очень старый человек, Блик которого разросся на половину его сморщенного тела, вдруг схватился за Барабан и принялся тянуть его на себя с неожиданной силой. Пашка вырвался из его цепких лап и отбежал на безопасное расстояние.

Если он начнёт сейчас играть, то они набросятся на него и разобьют Барабан, надо было что-то решать, и тогда Пашка вспомнил про Памятник. Место, где не появляются блики. Идти надо к нему.

Пашка придерживал Барабан, чтобы при ходьбе он не бился о грудь, а сам смотрел по сторонам. Это его и спасло – он первым разглядел Директора школы. Сначала Пашка просто ускорил шаг, а потом не выдержал и обернулся. Директор проходил тогда под фонарём, и в его свете вдруг оказалось, что у него нет обеих рук. Они были обрублены ниже плеч, но кровь оттуда не шла и, вообще, Директор выглядел очень бодро, только шёл, будто слегка приплясывая.

Пашка застыл на месте. Тогда он его и заметил.

– Держите вора! – закричал Директор, – Он украл из школы нашу реликвию! Полковой барабан!

Люди стали оглядываться. Но так как рук у Директора не было, он не мог просто указать на Пашку и благодаря этому он сумел выиграть время, припустившись бежать так быстро, насколько эта реликвия ему позволяла. За его спиной слышались крики и топот ног, несколько человек бросились за ним в погоню, но через пару улиц уже отстали, один только Директор, высоко подбрасывая колени, нагонял Пашку. Он почувствовал сзади ритмичное дыхание, а потом удар в спину – это Директор таранил его лысой головой, пытаясь сбить с ног.

Стиснув зубы, Пашка выдержал три таких удара, а потом Директор сменил тактику и принялся обходить справа. Он уже поравнялся с ним и начал сближение, чтобы сделать подсечку, но неожиданно упал сам. А Пашка пробежал ещё с десятков метров, едва успев притормозить у подножия Памятника. Только после этого он позволил себе оглянуться.

Лёжа на земле, Директор извивался, как червь, но ему быстро удалось сначала приподняться, а потом и встать на ноги.

– Иди. Сюда, – сказал Директор, и произношение слов стоило ему некоторых усилий, – Отдай. Барабан.

– Да на, лови!

Пашка сделал вид, что собирается снять его с плеча, и засмеялся, глядя, как безрукий Директор подпрыгивает у

незримой границы, которую не могут пересекать блики. Но всё-таки, что же это за Памятник и как он ещё может ему помочь?

Пашка отвернулся и вздрогнул – с другой стороны от постаментов на него молча смотрели Федька и дядя Боря.

– Вот видишь, – как всегда спокойно произнёс дядя Боря, – Ничего у тебя не выйдет. Из комнаты ты выбрался, но из города тебе не уйти. Только с нами.

Федька нервно хихикнул.

– Всё, что было надо, мы здесь уже сделали, – продолжал дядя Боря, – Остался только ты – наша последняя проблема. И мы её как-нибудь, да решим. А не хочешь по-хорошему, тогда пеняй на себя.

– Барабан! – сказал Директор и подпрыгнул.

Но Пашка даже не посмотрел в его сторону, ведь его больше пугали те двое, с которыми он хоть и жил в одной квартире, но ни на йоту не приблизился к разгадке того, кто они такие на самом деле. «Сейчас начнут выманивать, – думал Пашка, – Надо быть ко всему готовым...»

Но того, что случилось дальше, он совершенно не ожидал.

Дядя Боря кивнул Федьке и тот принялся расстёгивать на себе куртку, которая была Пашке очень знакома. «В отцовский гардероб лазил, сука!» – подумал он и сжал кулаки, но уже через несколько мгновений забыл об этом.

Потому что Федька положил куртку прямо на землю и расстегнул рубашку, явив свою худосочную грудь и отвис-

ший живот. Всё пространство от пояса до шеи занимала там синяя татуировка – очень хорошо проработанное изображение скорпиона со свёрнутым хвостом. Федька начал выпячиваться вперёд, тужиться и кряхтеть и тогда татуировка стала приобретать естественные цвета, оказавшись выпуклой и подвижной.

Пашка с ужасом наблюдал, как скорпион появляется из Федькиного тела, словно вылезая из песка пустыни. Сначала показался хвост с жалом в палец толщиной, потом клешни и голова, а за ними начало выступать туловище. Федька обхватил его рукой и вырвал из себя, а другую руку запустил в карман брюк и вытащил оттуда моток бечёвки. Теперь, когда его верхняя часть тела лишилась своего объёма, выглядел он совсем дистрофично, но никаких видимых проблем ему это не доставляло.

Федька привычными движениями обвязал голову семенящей ножками твари, сделав ей что-то вроде поводка, проверил узлы на прочность и бросил скорпиона на Пашку.

– Барабан! Барабан! – радостно закричал Директор и опять начал прыгать.

Скорпион был размером со щенка-подростка. Он сразу атаковал Пашку, растопырив клешни и выставив вперёд жало, которое доходило ему до пояса. Пашка отступал, прикрываясь барабаном и пытаясь отбиваться палочками, но понимал, что долго так не протянет. Эта тварь вымотает его, пока он будет нарезать круги вокруг памятника, а потом ужалит

или вытолкнет за пределы незримой границы.

Сдаваться этим двум гадам Пашка не собирался, но неужели так и оборвётся его нить в узоре Большого Ковра? И мама узнает, что он так и не стал воином и умер раньше неё?

...Школьный пожарный топор рассёк скорпиона надвое, лишив его хвоста, а вторым ударом Сторож пронзил его тело. Из горла Федьки вырвался пронзительный крик, как если бы была уничтожена часть его плоти. Сторож поморщился.

– Прости, Паш, поздно пришёл... – сказал он, стряхнув остатки твари с лезвия топора.

– Ох, вы живы! – обрадовался Пашка, ещё не успев отдышаться и только сейчас осознав, что даже не спросил, как зовут его соратника.

– Да, полежал немного в отключке, зато хоть не опоздал, – старик пнул ногой мёртвого скорпиона подальше от Памятника, – И теперь тебе никто не мешает. Давай, начинай...

И тогда Пашка решил, что будет играть именно для того, под чьей защитой они сейчас находятся. Он встал прямо перед Памятником, лицом к Неизвестному Матросу и опустил палочки на крепко натянутый диск Барабана. Краем глаза он видел, как дядя Боря достал из-за ремня браунинг и теперь целиться в его голову, но даже это уже не могло его остановить. Пашка начал выбивать палочками быструю и мелкую дрожь, совпадающую с ритмом собственного сердца и увеличивая понемногу силу удара.

Директор, не в силах вынести этот нарастающий звук, с

криком бросился прочь, но Федька и дядя Боря устояли. Их блики мигали, рвались, но не стекали с их тел.

Дядя Боря с трудом, но всё же удерживал руку с пистолетом и за те несколько мгновений, что он промедлил с выстрелом, к Пашке вернулась его потерянная музыкальная тема, та ускользающая гармония, которую он нащупывал всё это время. Сжав зубы, он явил её в мир и уже даже не боялся сбиться – его руки сами отстукивали достигшую его песнь. Пашка понимал только, что она очень старая, но каким-то образом он смог услышать её и сыграть в точности так, как должно быть.

Вибрация Большого Барабана достигла Верхнего и Нижнего мира, и тогда Герой пробудился от своего долгого сна.

От каменной фигуры словно отделилась её проекция – серебряный силуэт Неизвестного Матроса, который совершил, наконец, то, чего так давно хотел – выпрямился и встал во весь рост. Федька взвизгнул от страха, рука дяди Бори дрогнула, но он задрал пистолет выше и выстрелил в сверкающую фигуру. Пуля свободно прошла сквозь неё, как через ступок ртути, не причинив гиганту никакого вреда, а дядя Боря замахал вдруг руками и начал выкрикивать, повторяя, короткую фразу на каком-то странном, гортанном языке. Тогда Памятник повернул голову и плюнул в его сторону большой серебряной каплей. Она разбилась о землю, вспыхнула и ментально сожгла обоих. Так Пашка никогда и не узнал, что

это были за опасные существа, принявшие во время вторжения сторону Бликов. И он не прекращал игру, лишь корректировал, внимательно прислушиваясь к вибрации Большого Барабана и чувствуя, как он вступает в резонанс с нитями Большого Ковра, что прямо сейчас складываются в узор. Бывший школьный Сторож молча стоял рядом с ним. Он видел, что с Пашкой сейчас происходит событие, называемое обрядом инициации, а в защите он пока не нуждался – площадь была пуста.

Теперь Павел интуитивно понимал, что главное – не стучать, а бить. Именно этим и отличается шаманский бубен от пионерского барабана. Ему больше не нужны были чужие подсказки – Пашка развернулся «кругом» и пошёл вперед по главной улице городка, чувствуя, как призрачная фигура тронулась с места и последовала за ним.

Старик, продолжая сжимать пожарный топор, шёл рядом, и по его непроницаемому лицу нельзя было понять, предвидел ли он подобное, прочитав в узорах Ковра или пробуждение Героя было для него полной неожиданностью. В любом случае, они оба знали, куда им идти, а Пашка, не переставая играть, вёл за собой Неизвестного Матроса. Его серебряный силуэт отражал свет редких фонарей, а встречая на пути небольшие препятствия, вроде деревьев, он просто проходил насквозь, не замедляя шага.

Охваченные бликами жители городка бродили по парку, стягиваясь к Кургану. Там уже что-то готовилось, какая-то

новая волна вторжения. Люди беспокоились, заслышав гул Барабана, но он уже пронизывал всю ткань мироздания, от него было не спрятаться и блики, пульсируя и мигая, стекали с человеческих тел. Они сжимались и тускнели, а когда Пашка проходил мимо, то лопались и исчезали. Иногда несколько бликов сливались в один и пытались уйти, но тогда Герой просто гасил их, дотрагиваясь пальцами гигантской руки.

Освобождённые люди вели себя по-разному. Они не могли замечать блики, но зато видели серебряную фигуру Героя, с криками убегая или наоборот, замыкаясь в себе, а что-то объяснять им сейчас было бы бессмысленной и пустой тратой времени.

Так все трое дошли до окружённого людьми холма, где из ямы на вершине истекало свечение. Там Пашка увидел что-то уж совсем запредельное – лежащие на склоне холма человеческие фигуры спешно складывались в одну большую, а Блики служили им чем-то вроде скрепляющего вещества. Они приблизились, когда фигура сначала села на землю, а потом встала на ноги, явно преграждая им путь. Скорее всего, эти люди уже не были живы, сцепленные в плотную массу. Пашка не мог без содрогания смотреть на прижатые друг к другу части тел с выступающими из-под одежды конечностями и головами, с выпученными глазами и разинутыми ртами, ему вдруг почему-то вспомнился плакат с надписью «Наша сила – в коллективе!», но он продолжал играть и подниматься по склону холма.

У Великана было даже подобие человеческого лица с вполне различимыми чертами и старик-сторож, взглядевшись в него, вдруг истошно закричал: «Большелапов!» Великан вздрогнул и посмотрел вниз. Его губы, состоявшие из двух женщин разного возраста, разошлись в подобии улыбки.

– Так это ты решил снова прийти сюда?! С помощью этих?! – громко спросил его Сторож.

Существо, с помощью которого пытался обрести вторую жизнь Большелапов, кивнуло головой и двинулось вниз, прямо на них. Старик едва успел оттащить в сторону Пашку, который не мог отвести взгляд от ужасного состава чудовища, и пропустить вперёд Неизвестного Матроса. Он зашагал навстречу Великану, расставив в стороны руки, словно для объятий, а когда тот приблизился и собрался нанести удар, молниеносно надвинулся на него, обтёк своим телом и поглотил всю его фигуру.

Пашка играл и, не смотря на ночной холод, на лбу у него выступил пот. Барабан гудел, пронизывая пространство миров, а вокруг стонали уцелевшие люди, чьи блики сорвались и погасли.

Герой пошатнулся, но устоял. Пригнувшись к земле, прямо как на своём постаменте, он дошёл до вершины, рухнул в яму и там растёкся серебряной ртутью, запечатав собой место, откуда пришли эти мерцающие существа.

...Всю ночь Пашка вместе со Сторожем ходил по городу, добывая бликов. До самого позднего осеннего рассвета гремел Барабан, очищая улицы городка от темных огней. Закончив своё дело, они отогрелись чаем дома у Пашки дома и весь день отсыпались после сражения.

Тогда ему впервые приснилась мама, и он увидел её лицо, ведь в его детских воспоминаниях его всегда заслонял солнечный свет. Сейчас она не была похожа на свои фотографии, её волосы стали длинными, а одежда совсем не такой, как носят в городе или деревне. Она сидела у стены, сделанной из воды, и во сне Пашка вспомнил, что это называется «водопад». Мама сказала, что гордиться Пашкой, но увидеться они ещё долго не смогут.

На закате мальчик и старик покинули Молчанск. Он был пуст и тих, как после эпидемии или перед наступлением вражеской армии. Почта, школа, магазины – всё было закрыто, даже из заводских труб не валил дым. Опустошённые жители городка сидели по домам и пытались вытравить из памяти осколки собственных воспоминаний. Забыть прошлую ночь и пытаться как-то жить дальше.

Пашка нёс в руке чемодан, с которым раньше уезжал на каникулы, а Барабан закрепил ремнями за спиной, на манер рюкзака. Имущество же Сторожа помещалось в одном вещмешке.

Шли они в сторону железнодорожной станции. И впереди была Большая Война.